

СВОИМИ ГЛАЗАМИ: ЖИВУТ ЖЕ ЛЮДИ!

ТЕАТРАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ВЕНГЕРСКОГО ЛЕТА

Три Будапешта

Самый театр
Венгрии

Театр
Будапешта

ЛЕТО — пора отпусков, каникул и вообще весьма легкомысленного настроения. Это как раз то время, которое хочется провести где угодно, только не в закрытом помещении, даже если это помещение самого раскрепасного театра. Не ожидая того критического момента, когда публике придет в голову эта крамольная мысль, все репертуарные театры Будапешта и других театральных городов Венгрии закрываются еще до середины июня.

Таков неписанный закон, и, пожалуй, даже самым ревностным поклонникам Мельпомены пришлось бы с ним смириться. Но на их счастье среди людей театра находятся такие, которым по каким бы то ни было причинам трехмесячный отпуск кажется чересчур длинным. И тогда они назначают своим зрителям свидания в опустелых замках, в разрушенных крепостях, в парках, в кафе или, еще лучше, в десять часов вечера на соборной площади какого-нибудь маленького старинного городка.

Впрочем, есть и те, кто не отваживается на подобные эксперименты и просто зарабатывает деньги, ставя мюзиклы на стабильных и престижных летних площадках: в летнем театре на знаменитом острове Маргит, что между Будой и Пештом, во дворе шикарного отеля «Хилтон» в будайском замке, и так далее по паркам, гостиницам, курортам. Чтобы сразу разделаться с этим сортом спектаклей, скажу, что в них, вообще говоря, появляется немало хороших артистов (мне, например, пришлось видеть таких великолепных мастеров, как Иван Дарваш, Дьюла Бодроги, Дьюла Сомбати), но сам жанр производит впечатление чего-то на редкость анахроничного. По-моему, «музыкальная комедия», какой ее сейчас играют для одетых в вечерние туалеты будапештцев, вполне могла существовать в том же самом виде в 50-е и даже в 30-е годы. Впрочем, тогда наверняка игрались и «большие оперетты» Кальмана и Легара, а сейчас их совсем вытеснили незамысловатые произведения современных авторов, которые «гоняются» по 15—20 раз подряд, а затем благополучно забываются.

Для лиц, владеющих английским и немецким языками, предлагаются «литературные коктейли»; если вы кое-что понимаете по-испански и французски, то можете посетить вечер, посвященный памяти Эдит Пиаф. А вообще все эти спектакли можно заказать «на оба берега Балатона, а также в доме отдыха». Кроме того, расклеенные по всему Будапешту афиши с изображением весьма демонической женщины зазывают на некое *опе man/woman show*, на немецком языке обещаая «сенсационное превращение молодого венского певца Арманда в легендарную шведскую кинозвезду Зару Леандер»...

Посетить все это я не решилась. Прежде всего потому, что на всех этих соблазнительных афишах не указывалась весьма прозаическая вещь, а именно — цена билетов. Гораздо большие симпатии вызвала у меня реклама открывавшегося тогда в Будапеште англоязычного театра. Тут уже честно предупреждалось, что билеты будут стоить 1050 форинтов (то есть в 5—10 раз дороже, чем в «нормальный» театр). Я сразу почувствовала уважение к этой «дорогостоящей затее» и с любезного разрешения режиссера Андруса Мартона побывала на генеральной репетиции первого спектакля Merlin Theatre — «Комедия в замке» классика венгерской салонной драматургии Ференца Мольнара.

Как вообще-то и обещалось афишей, изображавшей уныло обреченное передвижение фигур по клет-

кам шахматной доски, пьеса поначалу разыгрывалась в чинном, можно сказать, в «чопорно-английском стиле». Что делать, если именно такой — красивой, возвышенной и разумной — хотят видеть жизнь мольнаровские герои! Впрочем, понятное дело, долго это продолжаться не может, и мало-помалу с «великосветской драмы» все начинает сбиваться на самую обыкновенную «оперетку».

И вот три элегантных господина, задумавших своим появлением в замке устроить сюрприз некой прекрасной даме, принуждены подслушивать недвусмысленную сцену ее свидания с любовником. Все бы ничего, если бы один из трех друзей не был влюблен как раз в эту даму и не собирался на днях осчастливить ее законным браком.

Что делать? Выход, оказывается, один: «переоперетить» оперетку, придав ее идиотизму характер прямо-таки монументальный. И вот незадачливые любовники, чтобы спасти свою репутацию, на глазах у всех вынуждены повторить скабрезную сцену, теперь, правда, под видом репетиции высококонрастной, хотя и фантастически бездарной пьесы. Чистота стиля оказывается восстановлена, и бесшабашная, презирающая всякий здравый смысл оперетка своей божественной глупостью сметает все грехи неудавшейся салонной драмы.

Если вспомнить, что оперетта по праву считается важнейшим достижением национальной культуры, то можно сказать, что свой первый спектакль актеры Merlin Theatre начали «по-английски», а кончили «по-венгерски».

В программе нынешнего театрального лета «Комедия в замке» выглядит отнюдь не одиноко. Фактически о том же — о жизни в театре и о театре в жизни — рассуждает еще один удачный будапештский спектакль — поставленная Арпадом Аркоши «Игра роковой любви» братьев Чапеков.

Увидев афишу, я остановилась в недоумении, это могло быть только шуткой: сразу столько звезд в одном и к тому же «летнем» спектакле. Сколько раз я видела их в кино, читала о них, слышала, как восторгались ими мои венгерские знакомые!

Карой Эперьеш, актер, в совершенстве владеющий мастерством мимического и пластического жеста, фантастически смешной клоун-простака. Шандор Гашпар — прямая противоположность Эперьешу. Если у того все — на эксцентрике, то у Гашпара главное — концентрация, внутреннее «кипение» темперамента. Ласло Гальффи, изысканнейший Пьеро венгерской сцены, актер редкого лирического дарования, к сожалению, почти исчезнувший со сцены после своих триумфов в начале 80-х годов. Загадочная Вера Папп, скептический Адам Райхона, суховато-саркастический Дьердь Дёрнер... Все эти — не то лица, не то маски — не замедлили, как говорится, «выплыть в память».

«Вот куда нужно бежать. И немедленно», — мелькнуло в голове напоследок. Не думайте, что я надеялась увидеть некие новые свершения прославленных мэтров, а вовсе не давно известные штампы. Просто я вдруг поняла, что ничего, кроме этих дорогих и любимых штампов, и не надо. Самое удивительное, что эта простая мысль оказалась чуть ли не концепцией спектакля.

Персонажи чапековской пьесы — актеры традиционной ярмарочной комедии: «комик» Скарамущ, «эпический герой» (он же — «хвастливый капитан») Тривален, «лирик» Жиль, «героиня» Изабелла и т. д. Они разыгрывают перед зрителем сюжет своих собственных взаимоотношений, при этом ни на йоту не отступая от своих шаблонных театральных амплуа. Но одновременно героями спектакля Арпада Аркоши являются актеры Эперьеш, Гашпар, Гальффи, Вера Папп... Очутившись в другой пьесе, они продолжают играть свои старые роли.

Да и вообще всячески подчеркивается обыденность всего происходящего. В начале спектакля

актеры, соблазнительно прошелестев между рядами зрителей своими сказочно-яркими одеяниями, занимают места в весьма затрапезной «артистической» — то есть на маленьком деревянном помосте, спускающемся к зрительному залу с правой стороны. В ожидании своего выхода кто-то закуривает сигарету, кто-то принимается за вязание, кто-то заказывает у стойки кружку пива.

Возникает атмосфера дружеских вечерних посиделок, взаимного подтрунивания и подшучивания. Актеры то «с нами», то «против нас». По эту сторону рампы они сами превращаются в восторженных и почтительных зрителей, попав на сцену, издеваются над подобным пиететом, да и над своим собственным ремеслом. Причем доходит даже до того, что зрителей начинают уморительно-серьезно отправлять домой: чтобы проверили, все ли заперто в квартире, чтобы не мешали целующимся героям, просто потому, что оставшемуся на сцене актеру, видите ли, «нечего сказать».

Однако главное издевательство, конечно, в том, что артисты без смущения эксплуатируют свои сценические маски, демонстративно подчеркивая, что ни на что большее не способны. Эперьеш безудержно комикует, Гашпар надувается от «сжигающих изнутри» страстей, Гальффи изощряется в изображении утонченных лирических переживаний. Идет обаятельная, насмешливая игра с собственными штампами.

И все же рядом с банальным и шаблонным существует и настоящее, неповторимое, более того, одно пронизывает другое — так же, как в поблекший пейзаж разрисованного задника оказывается «вплетенным» огромное настоящее дерево — не поместилось в нем, вырывается из-под колосников и шелестит где-то наверху своей величественной кроной. Нечто подобное происходит теперь на глазах зрителей и с героями спектакля. Уходит саморефлексия актеров, исчезает кукольность их персонажей. Жизнь вростает в театр.

В пьесе Чапеков артисты разыгрывают свою жизнь так, как им подсказывают их сценические маски. В спектакле же актеры, начав как «просто актеры», в конце концов перевоплощаются в «персонажей». Родается их неповторимость. За трафаретной маской «хвастливого капитана» оказывается страдающая душа прямого, но, увы, недалекого человека, за смешной манерностью и жеманством «лирического героя» — подлинная поэтическая утонченность, а за идиотским оптимизмом площадного шута — безмерная нежность ко всему миру. Но как только все эти фигуры, воплотившись, начинали жить — они умиляли: занавес закрывался, «персонажи» не успевали вновь стать «актерами»...

Эта изящная театральная притча была разыграна в небольшом дворике кинотеатра Blue Box, спрятавшегося в тихом пештском переулке. Вспоминая этот и другие спектакли венгерского лета — «Страсти из Чикшомйо», показанные будапештским театром «Независимая сцена», на Соборном холме старинного городка Сентэндре, «Венгерскую Электру», разыгранную группой «Арвишура» в развалинах Диошдьёрской крепости г. Мишкольца, — трудно удержаться от ностальгического вздоха. Как все-таки прекрасно, что люди летом находят время и место, чтобы собраться для того, чтобы отдохнуть — если не от работы, то от того самого «летнего отдыха» в его пляжном или дачном варианте, который, согласитесь, в какой-то момент начинает казаться скучным и однообразным.

Наталия ЯКУБОВА.

● Сцена из спектакля «Драма роковой любви». Скарамущ — К. Эперьеш, Жиль — Л. Гальффи.

Фото Бела Иловайски.